

В.А. Кошелев (Арзамас)

ПОСЛЕДНИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ЗАМЫСЕЛ А.К. ТОЛСТОГО

Аннотация. Рассматривается творческая история последней (неоконченной) пьесы А.К. Толстого «Посадник», создававшейся на сюжет из средневековой истории Новгорода Великого. Предметами анализа становятся как сам текст трагедии, так и ее реконструкции: здесь представлены издержки демократического (вечевого) государственного устройства вольного Новгорода. Победу при такой организации часто одерживает управляемое народное «стадо», обрекающее истинного патриота либо на смерть, либо на изгнание, сколь бы правилен и честен он ни был. Недописанный финал драмы подчеркивал обреченность новгородского «народоправства» на Руси.

Ключевые слова: степенный новгородский посадник; вече; бояре; подвиг; несправедливость.

Koshelev V.A. *The latest dramatic intention of A.K. Tolstoy*

Summary. The article deals with the creative history of the last (unfinished) play by A.K. Tolstoy «the Mayor», created on the story of the medieval history of Novgorod the Great. The subject of analysis is the text of the tragedy, and its reconstruction: the costs of democracy (Veche) state structure of the free Novgorod. Victory at such organizations are often managed wins national «herd» dooms a true patriot either to death or to exile, no matter how right and honest he was. Unfinished finale of the drama emphasized the doom of Novgorod «popular rule» in Russia.

Keywords: sedate Novgorod posadnik; veche; nobles; feat; injustice.

В конце лета 1875 г., на пороге смерти, А.К. Толстой сожалел об одном: «...одного было жаль, что не окончен “Посадник”». Речь шла о драме, над которой поэт активно работал в последние годы жизни.

От Толстого-драматурга осталось пять драматических сочинений. Кроме «Посадника» это знаменитая драматическая трилогия («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис»), в которой были выведены названные самодержцы и художественно представлены события русской истории, приведшие страну к Смутному времени. Над этой трилогией Толстой усиленно работал в 1863–1869 гг. Несколько раньше, в 1859–1861 гг., он работал над драматической поэмой «Дон Жуан», не «исторической», а собственно «человеческой» драмой «вечного» литературного героя, любимца женщин, ставшего предметом поэтического исследования множества разных писателей.

К концу 1860-х годов Алексей Толстой устал от почти десятилетней работы над «историческими» сюжетами и от неизбежных полемических упреков по поводу того или другого исторического персонажа. Например, царь Федор Иоаннович не очень соответствовал благочестивой легенде о мягком по натуре правителе, который плохо разбирается в земных делах – но нравственен и добролюбив. А Борис Годунов в самом деле был неповинен в гибели малолетнего царевича Димитрия. Но художественная правда не равна исторической истине – да и попробуй укажи эту самую истину... Драматург стал задумываться над поисками такого «исторического» сюжета, который бы не уводил читателя (и зрителя!) от собственно человеческой и психологической правды характера.

Исторические события художник всегда воспринимает в их наиболее остром психологическом варианте – и когда, например, М.П. Погодин попенял Толстому за «неправду» в изображении Годунова (прислав свою «Историю в лицах о Борисе Феодоровиче Годунове»), поэт даже немножко обиделся, указав на «право драматурга выбирать то, что более соответствует его замыслу» (П: 4, 295)¹. И – еще до окончания «Царя Бориса» – стал искать такой вот «не противоречащий человеческому началу» драматический сюжет. «По прочтении нескольких былин, – писал он редактору «Вестника Европы» М.М. Стасюлевичу 22 декабря 1868 г., – впрочем, давно мне известных, меня *fert animus* (душа влечет – лат.) разработать которую-нибудь из них драматически, употребляя с большой осторожностью чудесное, только как приправу или как арабески. Но, *стоя вне исторической почвы, можно размахнуться шире на человеческой*, а русский быт веховой старины очень бы

кстати мне пришелся. Не знаю, начну ли я, но хочется начать» (П: 4, 332).

Именно на рубеже 1860–1870-х годов было создано основное количество знаменитых исторических баллад («былин») Толстого: в это время поэт активно изучает и поэтически «перерабатывает» эпизоды русской истории, посвященные раскрытию как раз «русского быта веховой старины». Перечислим эти баллады, написанные в 1868–1872 гг.: «Змей Тугарин», «Песня о Гаральде и Ярославне», «Три побоища», «Песня о походе Владимира на Корсунь», «Гакон Слепой», «Боривой», «Ругевит», «Ушкуйник», «Поток-Богатырь», «Илья Муромец», «Порой веселой мая...», «Сватовство», «Алеша Попович», «Садко». 1868 г., наконец, датируется сатирическая «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева». Именно в этих текстах, выводящих художественное представление о «русской Руси», далекой как от «западных» кровопролитий, так и от «восточных» деспотий, наиболее четко отыскивается историческая концепция Толстого, проявившая (по словам И.А. Бунина) ту «степень патриотического сознания, которая до сих пор остается *высшей*»².

Для нашей темы здесь особенно важно, что исторический идеал, образ изначальной, «русской Руси» проецируется Толстым на «варяжские» времена и сюжеты, связанные и с первоначальной «Киевской Русью», и с «богатырями времен князя Владимира», и особенно с событиями, непосредственно связанными с тем историческим знаком, который обозначен символом северного, «вольного Новгорода». Интерес автора исторических баллад к такого рода сюжетам обозначился достаточно отчетливо – на глубочайшем уровне проработки соответствующих исторических источников.

Впрочем, на начальном этапе поисков материала для новой драмы Толстой как будто пытается оттолкнуться от исторической конкретики. «Сейчас я ишу, – сообщает он Б.М. Маркевичу 2 января 1870 г., – и не могу найти сюжет для драмы в дотатарском периоде нашей истории. Соблазняло меня падение Новгорода (не подумайте, что я отношу его ко времени до татар, это лишь *saltus mentis* [скачок мысли – *лат.*])... Хотел я воспользоваться и каким-нибудь преданием, соблазнял меня *Садко*, но это сюжет для балета, а не для драмы» (П: 4, 339–340).

Показателен толстовский «скачок мысли». Драматический сюжет ищется в «дотатарском периоде» – и в качестве примера видится «падение Новгорода» – т.е. смирение его великим князем Московским (случившееся в 1478 г., уже накануне окончательного свержения татарского ига)! Сюжет о «падении Новгорода» был для русской словесности отнюдь не новым, а облик его последней защитницы, Марфы Посадницы, стал с легкой руки Карамзина писателя своеобразным символом политической вольности. Но еще Карамзин понимал, что «падение Новгорода» было непосредственно связано с татарским игом: противостоять завоеваниям Орды могла лишь централизованная Русь – и через два года после новгородского «смирения» Иван III смог осуществить «стояние на Угре».

Но Толстой почему-то смещает времена – лет этак на 250. И продлевает мысленный эксперимент: ему почему-то важно представить вариант «падения Новгорода» вне известной «татарщины». Почему?

Вообще «смещение времен» – любимый прием художественно-исторических рассуждений Толстого. Герой его баллады Поток-Богатырь, живущий во времена Владимира-Солнышка, внезапно засыпает: сначала «на полтысячи лет», потом «лет на триста», наконец, «лет на двести еще». И, просыпаясь, соответственно оценивает изменившийся мир...

Ко времени цитированного выше письма к Маркевичу о поисках исторического сюжета для пьесы Толстой только что опубликовал былинку «Змей Тугарин», принципиальную для его исторической концепции. На пиру у Владимира-князя появляется «страшная рожа» с азиатскими скулами и начинает пророчить о будущем. Будущее это страшно: «Обнимет твой Киев и пламя и дым», наступит неволя, в результате которой русские люди, «наглотавшись татарщины влать», «беду перемогут» – но сами сформируют «татарское» государственное образование, далекое от «русской Руси» и от изначальных «варяжских» традиций: «И честь, государи, заменит вам кнут, / А вече – каганская воля!» Мысль о таком будущем и князю, и богатырям на пиру кажется нелепой. Владимир даже выпивает чашу «за русский обычай» и «за древнее русское вече». Далее появляется «новгородский символ»:

*За вольный, за честный славянский народ,
За колокол пью Новаграда,
И, если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков живет –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!*

(С: 1, 137–142)³

Но пророчество «обдорской рожи», пишет И.А. Бунин, «как известно, исполнилось: через долгую “обдорскую” кабалу, через долгое борение с нею пришлось пройти Руси. И кончилось ли это борение?»⁴ Во времена Толстого, как известно, еще не кончилось: поминавшийся Поток-Богатырь, проснувшись и через 500, и еще через 300 лет, с ужасом видит следы «татарщины» и в опричных временах Ивана Грозного, и в «эпохе реформ» Александра Второго (С: 1, 171–177).

В новом замысле Толстой искал для себя новую художественную задачу: представить исконно русского, не испорченного «татарщиной» человека (в идеале – гражданина *вольного* Новгорода и радетеля «здорового русского вече») в условиях общественного катаклизма, не «импортированного» извне (от той же «татарщины»), а созданного внутри сообщества вольных людей, не умеющих договориться между собою. Словом, Толстой ищет сюжет драмы психологической, или, как он чаще писал, *человеческой*.

Через неделю после приведенной просьбы найти подходящий исторический сюжет в письме к тому же Маркевичу от 11 января 1870 г. Толстой уточняет просьбу: «Дорогой мой Маркевич, найдите мне сюжет для драмы не исторической, но такой, которая была бы возможна в русской обстановке и *не приурочена к определенному времени*» (П: 4, 343). Но сюжет все не находится. Через полгода, 5 июля, он обращается с той же просьбой к известной поэтессе К.К. Павловой: «Вы должны дать мне обещанный сюжет для драмы... мне нужно что-нибудь большое... дайте мне сюжет человеческий, но не этнографический, чтобы дело происходило черт его знает где и черт его знает когда» (П: 4, 345). Потом эта просьба, при личной встрече с Павловой, еще уточняется: «Я ей сказал, что ищу сюжет для драмы и что у меня была мысль – *представить человека, который из-за какой-нибудь причины берет на себя кажущуюся подлость*. Она схватилась за эту мысль,

яко ястреб, и вертела ею во все стороны, но мы не нашли ничего подходящего» (П: 4, 346).

Но событие, происшедшее «черт его знает где и черт его знает когда», не могло удовлетворить Толстого. Ему нужно было вставить намеченное психологическое ядро будущей драмы именно в *русскую* обстановку, найти то место, где бы мог проявиться этот странный «человек». К концу июля замысел проясняется (еще без всяких исторических изысканий) – и перед Толстым вновь возникает символ Новгорода. Он сообщает жене: «Я приобрел проказию здоровья на целый год, найдя сюжет для *драмы – человеческой*. Человек, чтобы спасти город, берет на себя кажущуюся подлость. Но нужно вдвинуть это в рамку, и Новгород – была бы самая лучшая. Ты должна мне собрать все, что было написано о Новгороде, обычаях той эпохи, и вообще все, что известно о *вече* и об отношениях его с князем» (П: 4, 347). И даже – начинает писать «новгородскую драму»: «Драма дает мне много здоровья. Новгород – лишь рамка, вся драма *человеческая*. Честный человек, который берет на себя кажущуюся подлость» (П: 4, 347). И – подчеркивает: «...тут нет истории, и все будет вымыслено...»

Но уже через две недели (18 августа 1870 г.) – новая просьба к жене, касающаяся как раз *истории*: «Найди мне домашнее занятие для патрицианских женщин в Новгороде... Когда я говорю о патрицианских женщинах, я не подразумеваю одних *боярынь*. Мне надо семейство *посадника*, т.е. его жену и дочь; дочь – главное. Надо, чтобы сцена открывалась домашними занятиями, насколько можно более прозаичными, чтобы это произвело контраст с ролью *немного героичною*, в которую взойдет впоследствии дочь» (П: 4, 352). Из этой просьбы понятно, что основным местом будущей пьесы Толстой избрал Новгород, а основным героем – новгородского посадника. Этот посадник, «честный человек», «чтобы спасти город», «берет на себя кажущуюся подлость».

* * *

Этот толстовский герой – *посадник* – издавна являлся очень привлекательной и во многом таинственной фигурой исторической новгородики⁵. В толковом словаре В.И. Даля слово *посадник* снабжено пометой «*стар. новг.*» и определено: «начальник, стар-

шина города или посада, голова, выборный воевода». К.А. Калайдович, автор первого специального исследования о новгородских посадниках, отмечал: «Посадник, по словесному сего имени производству, означает чиновника, избранного для управления. Не определяя ни достоинства, ни должности избираемой особы, слово сие не представляет никакого ясного понятия. От сего произошло, что и мнения наших историков о сем чине большею частию поверхностны и неосновательны»⁶. Но неясным и неоднозначным оказывается не только слово «посадник». Права «старшины города» менялись с развитием Новгородской республики. Можно выделить по меньшей мере пять периодов таких перемен.

1. На раннем этапе развития Новгорода посадниками назывались киевские *наместники*, которые посылались князем, если не оказывалось нужной кандидатуры на княжеский стол. Так, первым новгородским посадником в летописи назван Добрыня, сын Малка Любчанина, дядя Владимира Красно Солнышко. Потом посадником был его сын Константин, затем некие Улеб и Остромир. После вокняжения Ярослава Мудрого, который декларировал неподсудность новгородского боярства князю, возникает фигура посадника, *избираемого* новгородцами на вече, – таковым стал, например, посадник Завид. Такой посадник на первых порах выступал в роли *княжеского советника*. Но с конца XI столетия новгородские бояре все активнее начинают выступать против вмешательства князя в городские дела.

2. В 1132–1136 гг. в Новгороде произошли антикняжеские волнения. Новгородцы, возмущенные слабостью и непоследовательностью князя Всеволода Мстиславича, сумели ограничить его власть – «и посадники, издревле знаменитые слуги князей, сделались их совместниками в могуществе, будучи с того времени избираемы народом»⁷. При этом в Новгороде был конституирован «смесной» суд посадника и князя, превративший избираемого посадника в *главу государства*, а само государство – в боярскую республику.

3. С этого времени место посадника, не будучи как-то регламентировано (срок избрания того или иного боярина на это место не ограничивался), стало предметом борьбы за власть различных боярских группировок и пяти «концов» Новгорода. Со своей стороны, и князья пытались противостоять всевластию

посадников. А поскольку вече было основным регулятивным органом, то там и происходили многочисленные «побоища». Вот как описывает Карамзин события 1219 г., когда новгородцы не приняли князя Святослава Мстиславича: «Посадник Твердислав, муж отличный достоинствами, взяв под стражу какого-то мятежного боярина, вооружил против себя многих его друзей и единомышленников. Началось междоусобие: одни стояли за Твердислава, другие за боярина; прочие оставались спокойными зрителями ссоры, которая обратилась в явную войну. Целую неделю были шумные вече при звуке колоколов; граждане, надев брони и шлемы, в исступлении своем обнажили мечи. Напрасно увещевали старцы, напрасно плакали жены и дети: казалось, что новгородцы не имели ни законов, ни князя, ни человечества. Чтобы еще более воспалить усердие своих друзей, Твердислав, устремив глаза на храм Софийский, громогласно обрек себя в жертву смерти, если совесть его не чиста пред Богом и согражданами. “Да паду в битве первым, – говорил он, – или Небо да оправдает меня победою моих братьев!” Наконец, злоба утолилась кровию десяти убитых граждан; народ образумился, требовал мира, и целуя крест, клялся быть единымдушным. Тишина восстановилась; но князь, недовольный Твердиславом, прислал своего тысяцкого объявить на вече, что сей посадник властью княжескою сменяется. Граждане хотели знать вину его. Святослав гордо отвечивал: *без вины!* “Я доволен, – сказал Твердислав, – честь моя остается без пятна: а братья сограждане, вольны избирать и посадников, и князей”. Народ вступился за него. “Вспомни условие, – говорили Святославу послы веча, – ты дал нам клятву не сменять чиновников безвинно. Когда же забываешь оную, то мы готовы с поклоном указать тебе путь; а Твердислав будет нашим посадником”»⁸.

4. К концу XIII – началу XIV в. из-за изнурительной внутрибоярской борьбы за власть потребовался новый регламентированный порядок избрания посадников. Таковые избираются только из числа представителей основных боярских (кончанских) группировок сроком на год. Посадничий титул пожизненно присваивается шести кончанским представителям, избираемым по одному от Неревского, Загородского, Людина и Славенского концов. От Плотницкого же конца избирались два посадника, чем достигалась паритетность сторон (по три от Софийской и Торговой сторон).

Ежегодно (в начале мартовского года) из числа этих посадников один избирался на должность главы города – *степенного посадника*.

5. В начале XV в. число посадников было еще удвоено: от Славенского и Неревского концов избирают по три, а от остальных концов – по два посадника. Позднее, после очередного политического конфликта боярство целует крест «заедин быти им всем межи собою» и расширяет число единовременных носителей посадничьего титула до 24, а затем и до 36. Таким образом сформировалась *боярская олигархия*: к управлению Новгородской землей привлечены практически все новгородские боярские семьи. Но при этом сам посадничий титул был девальвирован: начиная с 1420-х годов летопись не проявляет интереса к его конкретным носителям.

Время и место действия в начальной ремарке драмы обозначено так: «Действие в Великом Новгороде, в XIII столетии». Конкретизировать, какой именно эпизод «столетия» имеется в виду, невозможно – важно, что дело происходит *еще прежде татарского нашествия*: «татары» никак не упоминаются ни в одной из реплик. Но, с одной стороны, главный герой назван: «Боярин Глеб Мироныч, степенный посадник новгородский»; формула *степенный посадник* возникла уже в XIV в. (и никаких «кончанских» посадников в пьесе нет). С другой стороны, изображенные события напоминают знаменитую «битву новгородцев с суздальцами», самое ожесточенное сражение новгородцев (которых возглавлял посадник Якун Мирославич).

В феврале 1170 г. владими́ро-суздальский князь Андрей Боголюбский собрал коалицию союзных для «наказания» непокорного Новгорода. «Неприятели, – пишет Карамзин, – на трехстах верстах оставив за собою один пепел и трупы, обступили Новгород, требуя, чтобы мятежники сдались. Несколько раз с обеих сторон съезжались чиновники для переговоров и не могли согласиться; в четвертый день началась битва, кровопролитная, ужасная. Новгородцы напоминали друг другу о судьбе Киева, опустошенного союзным войском: о церквах разграбленных, о святынях и древностях похищенных; клялись умереть за вольность, за храм Софии и бились с остервенением»⁹. Штурм завершился поражением суздальцев: то ли помогла чудотворная икона Знамения Богоматери (ставшая с того времени главной новгород-

ской святыней), то ли возведенная перед городскими укреплениями линия оборонительных сооружений («острог», «город»). Во время преследования одни суздальцы были убиты, другие – захвачены в плен, третьи сумели спастись, испытывая голод и лишения. В конце концов новгородцам удалось найти удовлетворительные условия мира («по всей воли своей») и сохранить самостоятельность и независимость.

События драмы Толстого как будто продолжают это противостояние. Идет затяжная битва вольного Новгорода с суздальцами («низовыми»). Новгород – защищенная крепость – осажден воинством неугодного князя. Изнурительная осада продолжается уже «две недели»: защитники города стоят на валу «под прыском вражьих стрел» (С: 2, 557), суздальцы готовят решающую атаку, чтобы взять город приступом. В такой обстановке в городской боярской верхушке складываются две «партии». Одна – старые бояре, терпящие от войны убытки, – склоняются к тому, чтобы открыть врагу городские ворота, «город бы сберечь, до грабежа б не довести», «суздальцам на щит себя отдать» (С: 2, 535): «Князь бы за то спасибо нам сказал» (С: 2, 538). Другие – прежде всего новгородская молодежь, ушкуйники («повольники») – преследуют политические и моральные цели: в случае сдачи города суздальцам Новгород перестанет оставаться «вольным городом», а будет «суздальским пригородком» (С: 2, 525). И эту политическую волю они готовы отстаивать до конца.

Во главе партии старых бояр (их еще именуют «суздальские собаки») стоит воевода Фома Григорьевич; во главе молодых «повольников» («крысы подпольные») – способный и любимый молодежью боярин Андрей Юрьевич Чермный. Действие начинается сценой на улице: толпа народу возвращается домой после веча, на котором воевода Фома (собиравшийся «суздальцам ворота отпереть») был отставлен от воеводства, а новым воеводой – избран ушкуйник Чермный. Решающим оказалось выступление посадника («не речист, да метко его слово» – С: 2, 525), который сумел завоевать доверие разных «концов» Новгорода: его поддержали и «плотнички», и «вся Добрынина улица», и «наша Люгоща улица». На стороне старых бояр остались одни «кольчужники», но сделать ничего не смогли: «Не со всем же Новым-городом на драку лезть!» (С: 2, 527).

Посадник выведен идеальным руководителем городского организма. В первой сцене возбужденные после веча новгородцы четырежды повторяют его фразу: «Кто смелует мне, посаднику Глебу, не верить?» (С: 2, 525, 526). И действительно: никто не смеет. Он не богат (в сравнении со старыми боярами): его торговые корабли недавно «разбило в море» (С: 2, 537). Но он по существу своей духовной организации является харизматическим лидером. К власти он особенно не стремился и заявляет: «Я не просился в посадники, а выбрали меня, так уж знайте, кого выбрали!» (С: 2, 526). Он крут по характеру, и «спуску никому не дает», и «шеи гнуть не умеет». Он истинный патриот Новгорода – и многие бояре не могут ему простить самых разных «обид» (Жироху, например, он не позволил поднять цену на хлеб в голодный год). Но – «когда Глеб смотрел на кого!» (С: 2, 526). Он «не гнется» ни при каких обстоятельствах, никого не боится и знает, каким нужным словом убедить народ на вече:

*Да разве в крике дело?
Иное так словечко мимоходом
Как невзначай проронишь, а оно
И во сто крат сильнее, чем если б горло
Ватага целая орала...*

(С: 2, 537)

Начав работу над драмой, Толстой прежде всего отделял ее экспозицию. «Посадник, – замечал он в одном из писем, – главная фигура, и, отделявая стих, я также отделял и характер, который, как мне представляется, уже в самой экспозиции дан вполне определенным образом. Этого я и добивался – ведь экспозиция не должна оставлять сомнений насчет характеров. Она должна заключать в себе семена развития как будущих событий, так и каждого действующего лица, читатель должен вполне отчетливо видеть, какого рода перед ним семена, чтобы в дальнейшем для него не было *неожиданностей*... Так как историческим у меня является только фон картины, то я располагал большей свободой движения, чем в трех предыдущих драмах, и могу создать нечто органически цельное, где все части сцепляются более тесно» (II: 4, 387).

Иными словами, обстановка древнего Новгорода сознательно воссоздавалась драматургом лишь в самых общих, во многом мифологизированных деталях. В основе всего – символ *вече*, выражающего «мнение народное» (мнение Земли, по славянофильской терминологии). Символ *вольного Новгорода*, переживающего период «бескняжия» и «смутной години» (С: 2, 592). Символ харизматического *посадника*, человека, наделенного беспрекословной властью и зависимого исключительно от «мнения Земли». Над ним нет ни князя (против неугодного князя, пришедшего с «суздальцами», Новгород как раз и воюет), ни архиепископа (каковой в реальном бытии Новгорода часто вмешивался и в светские дела). Ситуация «вольного противостояния» необходимо представляется в ее наиболее простом и «очищенном» от многих исторических реалий виде.

Тот исторический «фон», который необходим для правдоподобия, был взят Толстым, по-видимому, из двухтомного труда Н.И. Костомарова «Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада» (СПб., 1863). Здесь поэт мог отыскивать сведения о роли «Ярославовой грамоты», давшей Новгороду право избирать и изгонять князей и освободившей его от дани киевскому князю. Кроме того, специальные разделы труда Костомарова посвящены описанию города, характеристике общественной жизни и нравов Новгорода, здесь встречаются некоторые реалии, в том числе названия и описания пяти новгородских «концов», имена новгородских персонажей. При этом Новгород остается только «рамкой», в которую вписана ситуация, вымышленная художником.

Толстой многократно повторял, что в «Посаднике» «нет истории», что его «не связывала история». В истории Новгорода не отмечено посадника по имени Глеб Мироныч (в отличие от упомянутых в диалогах посадников Якуна или Варуха Буслаевича [С: 2, 544], руководивших городом на рубеже XII–XIII вв.). В пьесе не использован ни один исторический факт, ни одно конкретное событие, упомянутое в трудах историков. Для писателя важнее именно *человеческая* (психологическая) правда, применительно к которой бытие человека внутри вольного «вечевого» (республиканского) порядка было совсем не простым.

* * *

Итак, Новгород в «смутную годину», осажденный «суздальцами». Старые бояре, «суздальская» партия коварством и хитростью делают все, чтобы сдать город врагу и принять власть князя. Глеб Мироныч, степенный новгородский посадник, — искренний радетель вольности, храбрый и честный. В беседе с «повольником» (ушкуйником) Василько, нареченным женихом дочери Веры, он излагает принципы новгородской свободы:

*Великое ты выговорил слово;
А знаешь ли, какой его есть толк?
В чем воля-то? В том, что чужой мы власти
Не терпим над собой! Что мы с князьями
По старине ведем свой уговор:
Се будь твое, а се будь наше. В наше ж
Ты, княже, не вступайся! А когда
Тот уговор забудет князь, ему
Мы кажем путь, другого ж промышляем
Себе на стол...*

*.....
Мы Новгород Великий государем
Поставили и головы послушно,
Свободные, склонили перед ним.
Вот наша воля! Прав своих держаться,
Чужие чтить, блюсти закон и правду,
Не прихоти княжие исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что государь наш Новгород велит, —
Вот воля в чем!*

(С: 2, 561)

Посадник выстраивает прежде всего политический идеал «воли», которую обеспечивает власть «государя Новгорода» — горожан, имеющих возможность изложить свое мнение на вече. Справедливость этой власти обеспечивается прежде всего единством решающего свои судьбы народа. А единство достигается прежде всего *авторитетом* избранного посадника, который умеет вовремя сказать необходимое слово — и сосредоточить многих

людей, носителей разных желаний и «воль» на том главном, что необходимо делать в данную минуту. Но помимо авторитета, на который уповает посадник, существует еще и масса способов подорвать «единство». Можно, например, подкупить (или просто «угостить») участников вече (чем активно занимается бывший воевода Фома Григорьич). Можно противопоставить идеалу *воли* – идеал *обогащения*, который тоже иных увлекает: «Не все ли равно торговать, что на своей ли, что на княжой ли воле?» (С: 2, 527). Можно на вече поставить своих союзников «вразбивку», чтобы «кричали» как надо. Можно еще посеять в толпе разные слухи и переиначить («скривить») происходящие события. Да мало ли что можно?

На первом вече народ сменяет воеводу: в трудные дни осады им становится способный воин Алексей Чермный, который наводит порядок в обороне и становится исполнителем решения новгородцев погибнуть, но не поступиться свободой. Есть, правда, у него недостаток: «уж больно до женского пола охоч» (С: 2, 526). Это в конечном счете и становится причиной измены. Наталья, «полюбовница Чермного», желая спасти своего брата, похищает у нового воеводы ключ от тайного прохода в осажденный город. Этим пользуются изменники, обвиняющие Чермного и желающие сместить его.

Изменников – множество: бояре, богатые купцы и даже вздорная старуха боярыня Мамелфа Дмитровна, этакая грибоедовская Хлестова или Кабаниха Островского из XIII в., не имеющая формально никакой власти «взбалмошная баба», но властно организующая *общественное мнение*. Тут *политическая* составляющая происходящих событий напрямую связывается с *нравственной*. И возникает явление, подмеченное еще Грибоедовым. Вот пущен несправедный и ложный слух – и:

*Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют,
И вот общественное мнение!*¹⁰

Это «общественное мнение», которое создается «старухами», оказывается вовсе не безобидно. Образом Мамелфы Дмитровны Толстой очень дорожил: сцена, где она появляется, стала единственной сценой из «Посадника», напечатанной при жизни

автора. В январе 1874 г. Толстого пригласили принять участие в сборнике «Складчина» в пользу голодающих самарцев. Поэт послал туда вторую сцену первого действия («Дом Посадника»), в которой, как он писал Стасюлевичу 15 января 1874 г., «выдаются два характера, не лишённые занимательности» (П: 4, 419), т.е. Посадник и Мамелфа Дмитровна. Автор просил Стасюлевича организовать чтение сцены на редколлегии «Складчины» и в качестве чтеца привлечь И.А. Гончарова (которого заодно просил высказать свое мнение).

«Боярыня Мамелфа Дмитровна, вдова прежнего посадника» (так она обозначена в списке действующих лиц), с самого начала производит впечатление глупой, но не в меру властной старухи, высоко несущей себя и играющей в «правдолюбницу». Вот она является у Посадника; тот еще не пришел с веча – и она недовольна, «что он не поторопится»: ей, такой значимой и «высоко несущей» себя особе, невтерпёж сию же минуту «о вечевом услышать приговоре». Она начинает восхвалять воеводу Фому Григорьича: тот-де «благочестив и вежлив», «почтителен и скромен», «боится Бога да живет по правде». Она «слыхала» от самого Фомы, что тот собрался «мириться с князем», не унижая Новгорода, – и восстанавливает «общественное мнение» на сторону предателя города. И никаких аргументов и слышать не хочет: «Да ты меня, отец, / Перебивать-то не моги! Тебя / Я разуму учу, так стой и слушай...» (С: 2, 553). И – ниже: «Другим давать уроки, / А не себе их слышать от других / Привыкла я. Учиться благочестью / И вежеству собирается ко мне / Весь Новгород...» (С: 2, 558).

Но из тех слухов и сплетен, которые выдумывает «взбалмошная баба», могут произойти самые неприятные последствия. Вот она походя очерняет «полюбовницу» Чермного Наталью, якобы стремящуюся стать «воеводшей», или обвиняет лихого ушкуйника в том, что тот в Бога не верует и в церковь не ходит:

Посадник

*Некогда ему
В соборе быть. Уж две недели с валу
Он не сходил. Под прыском вражьих стрел,
От приступов спасая город, служит
Он Господу!*

Боярыня

*Что? некогда быть в церкви?
Нет времени молиться? Стало быть,
Нам не нужна молитва?*

Посадник

*Не криви
Моих речей, боярыня. Молитва
Всегда нужна. Но если воле нашей
Грозит беда, ее одной молитвой
Не изживешь. Защитник нужен нам!
И не о том мы спрашивать должны:
Он часто ли, не часто ль ходит в церковь,
А как он в бой полки свои ведет!*
(С: 2, 557)

Но все человеческие аргументы бессильны перед силой старухиной сплетни. Тут же она заявляет, что и сам посадник Глеб Мироныч – «безбожник». И удаляется победительницей – разносить эту сплетню по городу и формировать «общественное мнение» (которое очень скоро сыграет в судьбе Посадника роковую роль).

Это «мнение» тоже организует будущее новгородское вече: умные бояре давно уже научились направлять стихийное мнение в нужное им русло. Народное собрание республики изменчиво и импульсивно. *Вече* многолико и отнюдь не свободно от скоропалительных решений. Толстой воспринимал новгородское вече еще «по-карамзински»: как демократический центр, в работе которого принимало участие чуть ли не все взрослое население города¹¹. Но и в этом случае, решавшее политические вопросы, связанные с властью, вече не могло представить «нравственной легитимности» избранным вождям. Об этом бесспорно заявляет Посаднику та же боярыня Мамелфа:

*Смотри, пожалуй! Вечем, вишь, поставлен!
Да разве все апостолы сидят
На вече-то? Чай, сторона твоя
Перекричала тех, кто был разумней?*

*Да, слава богу, Новгород не весь
По дудке пляшет по твоей! Доселе,
Слышь, спорят как! Опомнятся, даст бог,
Еще до завтра!..*

(С: 2, 554)

Новгородское вече представлено в третьем акте драмы Толстого, в последней дошедшей до нас сцене. Изменники становятся «вразбивку» и обвиняют ненавистного им Чермного в измене. Для мудрого посадника понятно: если им удастся сместить нового воеводу – Новгород падет. И тогда, чтобы спасти город, посадник берет вину и позор на себя. Город спасен, но вече приговаривает посадника сначала к смерти, а после, в уважение к его прошлым заслугам, к вечному изгнанию из Новгорода. Воевода пытается спасти посадника, – но ему пора отбивать неприятеля. Вот заключительные фразы драмы:

Гридень (*вбегает*)

*Где воевода Чермный?
Враги идут на приступ с двух сторон!*

Посадник

Ты слышишь? Прочь! Твое в раскатах место!

Чермный

*Иду – но правду покажу твою –
Иль в божью правду верить перестану!
За мной, на вал!*
(Уходит.)

Посадник (*с поклоном*)

*Я Новгород Великий
Благодарю за милостивый суд!*

(Сходит с лобного места.)

Толпа перед ним раздается. Занавес опускается.

«Милостивый» коллективный вечевой суд – оборачивается очевидной несправедливостью. «Идеальный» руководитель «демократической» Новгородской республики, который в течение не одного десятилетия успешно руководил ею и который в трудное для нее время готов жертвовать своей свободой и жизнью во имя сохранения Новгорода, – «коллективным» решением жителей изгоняется из своей стихии. Он верно следовал всем заветам «народоправства» – и страдает именно из-за своей верности.

Так что демократическая форма правления на Руси тоже оказывается, по Толстому, вовсе не панацеей и не гарантией справедливости. Толстой представляет ярчайший парадокс этой самой «демократической» власти: всякая демократия оказывается ущербной именно потому, что – вольно или невольно – становится «управляемой». Вот – невеселый вывод, который в данном случае напрашивается.

* * *

«Посадник» Толстого в том виде, в каком он представлен в окончательной редакции, – драма незавершенная. Черновые автографы пьесы (в которых автор доводил-таки ее до сюжетного финала) до нас не дошли. Действие обрывается на своей кульминации.

После смерти Толстого его племянник Д.Н. Цертелев, которому был доступен архив поэта, опубликовал письмо, где рассказал в самых общих чертах намеченное автором окончание драмы. При этом Цертелев заметил: «В изложении я руководствовался частью моими личными воспоминаниями, частью набросками самого графа Толстого, которые, к сожалению, слишком отрывочны, чтоб я мог привести их в тексте».

Четвертое действие, по словам Цертелева, происходит в доме Посадника:

«Посадник сидит у стола; посадница в углу плачет. Дочь молча смотрит на отца. Входит боярыня Мамелфа; она предлагает посаднице и ее дочери переселиться к ней, говоря, что они не виноваты, что она берет их под свое покровительство и что, когда они будут жить у нее, никто не посмеет сказать про них худо. Посадница отвечает нерешительно, и боярыня говорит ей: “Я, ма-

тушка, тебя не уговаривать пришла; / Коль хочешь, останься с ним. / Добро, в твоей то воле. / Тогда прости!”

Она уходит, является жених Веры, Василько, и повторяет свое предложение; но та отказывается, говоря, что пойдет за него только в том случае, если отец ее будет оправдан. Василько обращается к посаднику, прося его уговорить дочь. “Иди”, – говорит ей отец. Но она все-таки не соглашается. Наконец, Вера остается с отцом наедине и спрашивает его: “Скажи ты мне, что этого не сделал?” Посадник отвечает только: “Почем ты знаешь?” Входит посадница, говоря, что от него требуют сдачи печати и казны. Является Чермный. Он отбил приступ, но отчаивается найти вора.

Посадник спрашивает жену: пойдет ли она за ним в изгнание? Та отвечает нерешительно. “А ты, Вера?” – говорит он дочери. “Нет, у меня другое дело; когда воевода отчаивается найти виноватого, так я его найду”.

Оскорбление за оскорблением сыплются на посадника. Он уже подходит к валу, чтоб оставить город, когда Вере удается отыскать Наталью, которая во всем сознается перед народом. Посадник оправдан, но не хочет оставаться в Новгороде. Все упрощают его. Входит Чермный, одержавший решительную победу над суздальцами. Затем, в намерении автора, посадник должен был умирать на сцене¹².

Этот недописанный финал толстовской драмы еще более подчеркивал обреченность новгородского «народоправства» на Руси. В самом деле: «оправданный» посадник, отдавший вольному городу всю свою жизнь, готовый пожертвовать всем во имя спасения его «вольности», – в конце концов «не хочет оставаться в Новгороде».

Как можно судить по пересказу Цертелева, Толстой серьезно продумал всю архитектонику и даже поэтику пьесы. Об этом же свидетельствуют и упоминания о «Посаднике» в письмах последних лет. Так, еще 25 февраля 1871 г. он сообщал Я.П. Полонскому: «Написал в Дрездене три акта сплеча, прозой, приехал сюда и завяз в делах. Потом болезнь, потом болезнь жены, так и не продолжал. Но на днях заглянул в рукопись и с горя стал переключивать прозу в стихи, и о чудо! – тотчас все очистилось, все бесполезное отпало само собой, и мне стало ясно, что *для меня писать стихами*

легче, чем прозой! Тут всякая болтовня так ярко выступает, что ее херишь да херишь» (II: 4, 361).

Действительно, вся пьеса написана «слитным» – прозаическим и стихотворным – текстом. Прозаические разговоры новгородской толпы неожиданно переходят в «белые» пятистопные ямбы (принятые, вслед за пушкинским «Борисом Годуновым», в русской исторической драматургии). Эти ямбы как будто «вырастают» из прозаического текста, возникая в тех местах, в которых действие обрastaет мыслью и обретае символическое значение. Стихотворная часть выглядит действительно естественнее, чем прозаическая.

Но почему-то поэт, написав «три акта сплеча» еще к началу 1871 г., все никак не мог взяться за продолжение. В одном из писем он даже объяснил задержку тем, что его писание не понравилось жене. Он глубоко любил Софью Андреевну, называл ее даже своей Эгерией (имя нимфы, тайной супруги римского царя Нумы Помпилия, которому та внушила его религиозные и гражданские законы). А ее критический суд был для поэта важнее всех журнальных откликов. Именно жена, жалуется Толстой, «отбила у меня охоту, сказав, что это плохо. Откровенно говоря, я с ней не согласен, но охота пропала» (II: 4, 336).

Именно так: *«охота пропала»!* Или, в другом письме: «...вот уже целый год, как я до нее не дотрагивался – “Die Stimmung fehlet mir” (У меня пропало настроение – нем.)» (II: 4, 410). Наконец, уже перед смертью, 5 февраля 1875 г. на вопрос своей итальянской корреспондентки К. Сайн-Витгенштейн: «Что делает новгородский мэр?» Толстой ответил: «Он на бумаге не продвинулся ни на шаг, из-за причин, о которых я Вам уже говорил, но он крепко сидит у меня в голове с изменениями, которыми я обязан Вашему поэтическому и артистическому чувству, т.е. я решительно заставляю его умереть в последней сцене» (II: 4, 438). По существу, это – последнее упоминание о «Посаднике» в письмах Толстого. 28 сентября 1875 г. поэт умер, так и не закончив драмы, которой он, видимо, очень дорожил.

Кажется, что, прописав сцену новгородского веча, несправедливо отрешившего Посадника и возведшего на него несправедливое обвинение в ответ на сокровенный патриотический порыв («Не за тебя – за Новгород гублюсь!», «О Новгороде думай, не обо

мне!» – С: 2, 601, 608), драматург попросту растерялся. Тот идеал «русской республики» и символ русской демократии в ее изначальном, «неуничтожимом» виде, который Толстой проповедовал в качестве образца для современности, выказал свою зыбкость при самом общем художественно-психологическом прикосновении.

Показательно, что практически одновременно с написанием трех актов «Посадника», в начале 1871 г. Толстой пишет упомянутую уже историческую балладу «Поток-Богатырь», герой которой, путешествуя по разным эпохам исторического развития России, не может найти того политического строя, который был бы лучше эпохи Руси изначальной. Вот «гость из прошлого» чудесным образом переносится в те времена, когда жил и действовал автор баллады, попадает на либеральные собрания разных «патриотов», «слышит: *почва, гуманность, коммуна, прогресс*» и всякие громкие слова – и заявляет:

*«Много разных бывает на свете чудес!
Я не знаю, что значит какой-то прогресс,
Но до здорового русского веча
Вам еще, государи, далече!»*
(С: 1, 177)

И тут же – в «Посаднике» – получается, что на этом «*здоровом русском вече*» допускается не то чтобы несправедливость, а вопиющее нарушение всех норм человеческой нравственности. Получается так, что самый достойный из жителей вольного Новгорода, самый признанный радетель его независимости, готовый пожертвовать за город всем чем угодно – и жизнью, и честью, – оказывается в системе республиканской демократии изгнанником. Последняя реплика Посадника, обращенная к «господину Великому Новгороду», – «*Я Новгород Великий / Благодарю за милостивый суд!*» – звучала приговором всей исторической концепции Алексея Толстого. Горькая ирония и трагический сарказм этого «приговора» разрушали всякую возможность поисков «справедливости» в прошлой истории Руси...

И сильнее этой реплики трудно было придумать: «милостивый суд» новгородского веча как будто «закрывал» возможность какого бы то ни было «продолжения». В структуре драматического

«действия» требовалось сюжетное завершение – но здесь как раз все было ясно: Чермный сумеет победить суздальцев, правда о «предательстве» – откроется: «добродетель восторжествует». Но ведь «порок» никак не может быть наказан: в любом случае в городской элите останутся и бояре-предатели вроде Фомы, Жироха, Кривцевича, а носителем «общественного мнения» будет Мамелфа Дмитровна. И не просто останутся: именно они и будут решать грядущие судьбы «русской республики».

Не случайно в пересказе сюжетного «продолжения» «Посадника», представленном Цертелевым, сам Посадник играет пассивную роль – и фактически не произносит значимых слов, и ни в чем не сознается (даже перед любящей его дочерью). Действительно: о чем в этой ситуации говорить? Если иметь в виду нравственные идеалы драматурга, то он как будто пришел к неразрешимому парадоксу: идеальный гражданин и руководитель вольной новгородской «общины», человек высочайших нравственных качеств, ничем не запятанный, желает сохранить в смутную годину эту общину – и изгоняется из нее. Причем орудием этой несправедливости становится самая совершенная и самая «здравая», по мысли Толстого, форма представительного русского правления – новгородское вече. На этом вече жители Новгорода, вчера боготворившие своего многолетнего вождя, выказывают готовность казнить его (и разграбить его усадьбу) – и только помня его «прошедшие заслуги», «милостиво» ограничиваются «изгнанием», предполагающим к тому же многочисленные «оскорбление за оскорблением» по адресу кристально чистого Посадника из уст людей аморальных, глупых, недостойных. О чем тут еще говорить? Какое «продолжение» еще требуется?

* * *

Через два месяца после смерти Толстого в Москве состоялось заседание Общества любителей российской словесности, посвященное его памяти. На этом собрании известный историк и фольклорист П.А. Бессонов прочитал «Посадника» по неизвестному нам источнику. Во вступительном слове он сказал: «Свежая могила унесла от нас тайну последней развязки, многие краски лиц и характеров, едва только выступавших на сцену в беглом очерта-

нии, и вместе скрыла нередко и самое *выражение лиц* и *тон речей их*». Но уже из того, что осталось написанным, можно судить, что «драматизм необыкновенно глубок и движение драматического действия чрезвычайно быстро. С этой стороны, сравнивая предыдущие драмы автора, всякий сознается, что он далеко ступил вперед в творчестве, и “Посадник” есть *лучшее из его драматических произведений*»¹³.

Опубликован «Посадник» был уже после смерти Толстого в 1876 г. во втором томе «Полного собрания стихотворений» – в составе трех написанных действий. Эта публикация, в сущности, является единственным источником текста пьесы: не сохранилось ни черновых, ни беловых ее рукописей (кроме авторской правки сцены «Дом Посадника» в наборной рукописи сборника «Складчина»). Известно, что в 1905 г. черновой автограф пьесы находился в собрании коллекционера П.Я. Дашкова¹⁴. Однако в настоящее время в этом собрании, хранящемся в основной своей массе в Пушкинском Доме, рукописи «Посадника» нет.

Но даже и в неполном виде пьеса оказалась востребованной театром: в 1877 г., в бенефис актера А.А. Нильского (который играл Черного), она была поставлена в Петербурге (на сцене Мариинского театра)¹⁵. В связи с этой постановкой Софья Андреевна Толстая передавала какие-то материалы пьесы покойного мужа в театр¹⁶ – но и они не сохранились. Кажется, что и после смерти автор «Посадника» противился возможным попыткам «продолжить» его незавершенный замысел – и напрямую высказать ту невеселую идею, к которой пришел в результате своих поэтических историософских размышлений.

В 1895 г. русский философ Владимир Соловьев опубликовал большую статью «Поэзия гр. А.К. Толстого». Со времени смерти поэта прошло уже 20 лет; Соловьев не был с ним знаком, но сблизился с его вдовой (и даже бывал у нее в гостях в усадьбе Пустынька под Петербургом). После смерти С.А. Толстой (в 1892 г.) он принимал участие в разборе бумаг поэта и в подготовке известного четырехтомного собрания его сочинений. Его статья стала итогом серьезных раздумий о творчестве этого странного писателя, который в эпоху самых яростных полемик «демократов» и «консерваторов» сумел остаться «двух станов не бойцом», не примкнул ни к одной из группировок – и не был принят ни теми, ни другими.

Статья Соловьева стала по существу опорной для последующих оценок наследия Толстого.

В этой статье Соловьев вовсе не обращается к драматическому наследию поэта – ни к знаменитой трилогии, ни к «Посаднику», – но представляет основу его размышлений: общие правила его патриотизма. Именно они составили основу толстовского понимания истории.

Патриотизм В. Соловьев определяет как «природное чувство, заставляющее нас жить и действовать для блага того собирательного целого, к которому мы принадлежим. <...> Для огромного большинства людей нашего времени собирательное целое, за которым их собственное чувство признает верховные права, есть *отечество*, т.е. кристаллизовавшаяся в государственную форму народность или группа народностей: *это* целое, преимущественно перед всеми другими, есть настоящий предмет патриотизма (в точном смысле слова) и вытекающего из него гражданского долга». Из подобного определения вытекает «самый главный и важный вопрос: в чем же благо моего отечества и что я должен делать, чтобы служить ему». Само стихийное чувство любви к отечеству ничего не решает, ибо, подчеркивает философ, «патриотизм, как и всякое натуральное чувство, может быть источником и добра, и зла. Вся история свидетельствует, что государства и народы как спасались патриотами, так от “патриотов” же и погибали»¹⁷.

Алексей Толстой, отмечает Соловьев, искал прежде всего «истинный патриотизм», который «заставляет желать своему народу не только наибольшего могущества, но – главное – наибольшего достоинства, *наибольшего приближения к правде и совершенству...*» Но в этих поисках заключалось и противоречие: «Народное вече может казаться красивым издали, но на самом деле это было лишь разновидностью междоусобной войны, и поэтический колокол Новгорода призывал обыкновенно не к гражданским подвигам, а просто к рукопашному бою». В противовес официальным тенденциям Толстой выступал «против идеализации, московского периода, против стремления *увековечить* его дух», – и здесь он предпочел «не историческую, а пророческую точку зрения. Он не останавливался на материальных necessities и условиях

прошедшего, а мерял его *сверху* – нравственными потребностями настоящего и упованиями будущего»¹⁸.

Именно в этих нравственных предпочтениях – суть историософских построений поэта: «Как патриот, он горячо стоял за то именно, что всего более нужно для нашей родины, и при этом – что еще важнее – он сам представлял собою то, за что стоял: *живую силу свободной личности*». Толстой, заявляет Соловьев, «был одним из очень редких у нас носителей этого истинно человеческого жизненного начала, в развитии которого главное условие будущности каждого народа. <...> Эти качества не суть единственные добродетели, но *без них* все прочие стоят немного; *без них* отдельный человек есть только произведение одной внешней среды, а сама такая среда является стадом»¹⁹.

Но если продолжить эти рассуждения философа о современной нравственной значимости исторического идеала Толстого применительно к его последнему драматическому замыслу, то придется признать, что в «Посаднике» поэт неожиданно столкнулся с тем, что в идеальном (вечевом!) государственном устройстве вольного Новгорода действительную победу – даже и тогда, когда «добродетель восторжествовала», – одержало именно «стадо». Сколько бы ни укреплять «упования будущего» – «стадо» в конечном итоге становится *победителем*. Для того чтобы быть *патриотом*, надобно не только противопоставить свою «свободную личность» этому «стаду», но и быть уверенным, что «стадо» непременно победит твою личность – и обречет тебя либо на смерть, либо на изгнание, сколь бы правилен и честен ты ни был.

На закате своего творческого пути А.К. Толстой в последней своей драме настолько точно смоделировал безысходность нравственного подвига русского деятеля в условиях «дотатарской» демократии, что сам испугался и растерялся перед той страшной картиной, которая открывалась за «милостивым судом» новгородского веча. И потому предпочел «не договаривать» финала, дабы не разрушить тех заветных историософских идей, которые утверждал всем предшествующим творчеством.

-
- ¹ Письма А.К. Толстого цитируются по изд.: *Толстой А.К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте (*П*). Курсив в цитатах – наш.
- ² *Бунин И.А.* Инония и Китеж // *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1990. С. 362.
- ³ Стихотворения и пьесы А.К. Толстого цит. по: *Толстой А.К.* Полн. собр. стих-й в 2 т. Л., 1984 (*С*). Во всех случаях курсив А.К. Толстого.
- ⁴ *Бунин И.А.* Инония и Китеж. С. 360.
- ⁵ См.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 2003.
- ⁶ <*Калайдович К.*> Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821. С. 26–27.
- ⁷ *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 3 кн. СПб., 1842. Кн. 1. Т. 2. С. 107.
- ⁸ Там же. Т. 3. С. 103–104.
- ⁹ Там же. Т. 3. С. 10.
- ¹⁰ *Грибоедов А.С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 1. СПб., 1995. С. 113.
- ¹¹ Ср. современную точку зрения: *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.
- ¹² *Цертелев Д.Н.* Драматическая трилогия графа А.К. Толстого // *Русский вестник.* 1899. № 10. С. 670–671.
- ¹³ Московские ведомости. 1875. 13 ноября.
- ¹⁴ Вестник литературы. 1905. № 19. На с. 431 приведено факсимиле страницы автографа.
- ¹⁵ *Вольф А.Н.* Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 г. СПб., 1884. С. 61.
- ¹⁶ *Нильский А.А.* Воспоминания // *Исторический вестник.* 1894. № 6. С. 678.
- ¹⁷ *Соловьев В.С.* Литературная критика. М., 1990. С. 195.
- ¹⁸ Там же. С. 139–140.
- ¹⁹ Там же. С. 142–143.